

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Всемирная история» Академии Наук СССР, том II, под редакцией С. Л. Утченко (ответственный редактор), Д. П. Каллистова, А. И. Павловой, В. В. Струве, М., Госполитиздат, 1956, 898 стр. и 32 карты, тираж 200 000 экз., цена 40 руб.

Первый том «Всемирной истории» был весьма положительно встречен советской общественностью, расценившей его появление как важное событие в науке. Выход следующего тома также привлек к себе внимание как специалистов, так и широкой читательской аудитории. Второй том охватывает период от Греко-персидских войн до падения Западной Римской империи и завершает, таким образом, изложение истории древнего мира.

Перед редакцией и авторами II тома стояла нелегкая задача: используя все богатство марксистско-ленинской методологии, разобраться в сложном потоке исторических событий тысячелетнего периода, хозяйственных и политических сдвигов, социальных и культурных явлений, выявить в нем определенные общие закономерности и в то же время показать историю каждого народа во всем ее своеобразии. В этой работе авторы и редакторы, разумеется, опирались на весь опыт советской исторической науки, однако следует учитывать, что задача марксистского изложения древней истории как этапа истории в с е м и р н о й решалась в данном издании впервые: все прежние общие советские работы по древней истории строились по традиционной схеме Восток — Греция — Рим, ограничиваясь для периода, рассматриваемого в томе, главным образом историей греко-римской античности. Поэтому следует признать свидетельством значительного роста советской исторической науки тот факт, что в рецензируемой книге удалось связать в одно целое и осознать как единый исторический процесс древнюю историю народов, живших на громадном пространстве от Пиренейского полуострова до Камчатки. Результаты этого исторического синтеза в наиболее общем виде представлены в содержательном и четком введении к тому; в дальнейшем же изложении освещению наиболее принципиальных теоретических проблем значительно помогает принятый в настоящем издании универсальный и синхронный метод изложения.

Но научно-теоретический уровень рецензируемой книги, конечно, в первую очередь определяется не планом издания и не общими предпосылками, как бы удачны они ни были, а содержанием всех ее частей. В настоящей рецензии будут последовательно рассмотрены главы II тома, посвященные истории Греции, Рима и других стран Средиземноморья, племенам Европы и Азии, государствам Кавказа и Северного Причерноморья.

В заглавии I части тома «Развитие рабовладельческих отношений в Передней Азии и Средиземноморье. Держава Ахеменидов. Эллинские города-государства...» удачно подчеркнута связь истории классической Греции с историей державы Ахеменидов в едином всемирно-историческом процессе. Глава первая дает содержательную характеристику державы Ахеменидов конца VI—V вв. до н. э., но вместе с тем эта глава вполне закономерно играет роль пролога к последующим главам о Греции. Пред-

лагаемая в этих главах периодизация вызывает некоторые сомнения. «Эпоха пятидесятилетия» выделяется в отдельный период как время «расцвета эллипской рабовладельческой демократии»; в следующий период включается Пелопоннесская война и история Греции IV века вплоть до возвышения Македонии и Херонейской битвы с характеристикой этого периода как «упадка». Можно ли Пелопоннесскую войну рассматривать только как проявление «упадка», проявление реакционно действовавших сил? В данном случае автор следует традиционной точке зрения на историю Греции в IV веке до н. э. как на выявление ее исторического крушения в Пелопоннесской войне, пока Филипп II Македонский не вывел Грецию вновь на великую историческую дорогу.

Между тем в гл. III рассматриваемого тома говорится о дальнейшем развитии рабовладения в IV веке, эксплуатации рабского труда в ремесле, вообще о дальнейшем развитии производительных сил. С другой стороны, Пелопоннесская война неразрывно связана с историей «пятидесятилетия»; не надо забывать, что военно-политические события в Элладе 457—445 гг. до н. э. не без основания называют первой Пелопоннесской войной. Поэтому вряд ли стоило делить историю V века на два периода и отрывать «пятидесятилетие» от Пелопоннесской войны.

В изложении Греко-персидских войн недостаточно подчеркнута намеченная в заглавии части историческая связь Эллады и Персии как двух всемирно-исторических величин. Вопрос о причинах войн в сущности не трактуется; об ионийском восстании говорится в предшествующей первой главе, в отрыве от изложения самих Греко-персидских войн и притом крайне бегло; между тем в соответствии с идеей тома именно ионийскому восстанию следовало бы уделить больше места. Следовало бы подчеркнуть борьбу политических ориентаций и в самой Элладе и по возможности глубже их оценить; следовало бы, например, учесть уже отмечавшийся факт — персофильские мотивы в «Персах» Эсхила, не говоря уже о знаменитом варварофильстве Геродота, и многое другое. Несколько поверхностно изложен ход военных событий. Не раскрыта стратегия похода Датиса и Артаферна и связь с ней позднейшего выступления Фемистокла; мы имеем в виду десантный характер этого похода, остро выдвинувший проблему морской обороны. О том, что в Афинах в это время остро разгорялась политическая борьба, говорит судьба Мильтиада, о которой не упомянуто, а не решение стратегов выйти навстречу персам, совершенно естественное и неизбежное в данных условиях. Что касается похода Ксеркса, то при всей неизбежной краткости изложения нельзя столь упрощенно освещать политическое положение, создавшееся в Греции и особенно в Ионии после Саламинского боя. В большой литературе, посвященной проблеме возникновения Делосского союза, выдвинут весьма важный вопрос об острой политической борьбе в Ионии, в результате которой поведение ионийских полисов по отношению к Саламинской победе было далеко не единообразным; в силу этого весьма важен вопрос о добровольности или военном принуждении в процессе возникновения Делосского союза.

Военные и политические события семидесятых годов V в., особенно их начала, весьма важны для понимания взаимосвязи исторического развития Ахеменидской державы и истории Эллады классического периода. В связи с этим нельзя признать удачной и даваемую заключительную формулировку причин победы греков; о с н о в н а я причина состояла не в том, что греки боролись за свою независимость, а персидское войско сражалось по принуждению. О с н о в н о й причиной, обусловившей не только победу над Персией в V веке, но и дальнейший крах Ахеменидской державы, был тот факт, что в Греции развитие рабовладельческого общества достигло — и в социально-экономическом и в политическом отношениях — более высокой ступени, чем в Персии. Поэтому объединение греческих военных сил на базе гопплитского строя и военно-морского единства являлось гораздо более действенным; политически сознательная борьба за независимость представляет собой лишь следствие более общей социальной причины.

В разделе второй главы, посвященном экономике Греции V в. до н. э., наряду с характеристикой развития рабства, значительное внимание уделено также труду свободных; в целом этот вопрос трактуется автором вполне удачно. Хочется заметить

только следующее: «в большинстве греческих государств занятие земледелием считалось почетным», — пишет автор (стр. 43) и дальше приводит данные о регулировании землепользования государством. Здесь следовало бы подчеркнуть, что речь может идти только о государствах отсталого типа развития; можно ли сказать, что афинская демократия считала земледелие почетным занятием? Стоит только напомнить знаменитые слова Перикла в его речи у Фукидида или представить себе один из крупнейших городов-государств, Эгину, где отсутствовали какие бы то ни было возможности для земледелия, — и цитированная фраза потребует существенных ограничений. Можно сослаться и на Платона и Аристотеля, которые запрещали гражданам идеальных государств быть земледельцами. И, наконец, как мог автор цитированной фразы, формулируя свою мысль, не вспомнить Спарту?

С другой стороны, вряд ли правильно утверждение, что «по общераспространенным в Греции взглядам труд ремесленников был занятием, недостойным гражданина», тем более, что автор тут же сам себя почти опровергает. Мы не находим подобного взгляда на труд у идеологов древнегреческой демократии (Протагор, Продик, Демосфен). Взгляд на труд, как на недостойное гражданина занятие, был действительно распространенным, но только среди олигархов он получил законченную формулировку.

Яркими фактами иллюстрирует автор развитие товарного производства и денежного хозяйства в Греции. Вместе с тем, давая общую характеристику греческому хозяйству, он определяет его в основном как хозяйство натуральное. К сожалению, этот тезис носит в рассматриваемой главе до известной степени догматический характер: автор не приводит никаких фактов, не пытается провести сколько-нибудь углубленный анализ греческой экономики с точки зрения роли в ней натурального хозяйства. Между тем разобраться в этом вопросе совершенно необходимо, тем более, что он очень слабо разработан в советской историографии и представляет определенные трудности. Ясно, например, что указанную характеристику автора невозможно отнести в равной степени к Спарте и к Афинам, где рыночный оборот охватывал почти все виды продуктов производства и потребления и всю толщу народной массы, либо к Эгине, где все продовольственные продукты были привозными.

Последующие разделы второй главы посвящены истории «пятидесятилетия».

Заглавие третьего раздела «Афинский морской союз и победа демократии в Афинах» чрезвычайно удачно; действительно, полное развитие афинской демократии неразрывно связано с историей Афинской морской державы. Но содержание этого раздела не соответствует заглавию; здесь нет речи ни о влиянии борьбы за державу на развитие демократии, ни об обратном влиянии демократии на развитие державы. Не использованы данные Фукидида (I, 84—118), позволяющие заключить о фактическом разрыве между Афинами и Спартой уже в 478 г., о формировании в этих условиях Делосского союза и таким образом характеризующие политическую борьбу в Афинах в 70-е годы. Не поставлен принципиально важный вопрос о природе Делосского союза — был ли он продолжением прежней чисто военной симмахии или новым политическим образованием.

Вполне традиционно подчеркивается всевластное якобы положение ареопага, «главной опоры афинских рабовладельцев», и соответственно, тоже вполне традиционно, характеризуется реформа Эфиальта, причем сущность этой реформы формулируется столь элементарно, что граничит с грубой ошибкой. «Эфиальт... провел в народном собрании закон об изъятии у ареопага всех прав высшего государственного органа и о превращении его в судебный орган по некоторым видам уголовных преступлений» (стр. 49). Ареопаг был и оставался главным образом архаическим судом по делам о преднамеренных убийствах. В «Афинской политике» Аристотеля говорится лишь о том, что по предложению Эфиальта ареопаг был лишен всех дополнительно на него возложенных (τὰ ἐπιθεῖα) функций, которые делали его «как бы охранителем политики». В то же время ни Геродот, ни Фукидид, ни другие писатели V века не упоминают о подобной роли ареопага. Все это требует большей осторожности суждений по данному вопросу.

При характеристике Афинской морской державы не учтены существенные новые данные, связанные с переизданием списков фороса¹.

В свете этих данных представляется упрощенным и не вполне соответствующим современному уровню научных знаний взгляд, согласно которому все афинские союзники были поработены Афинами и притом в одинаковой мере. Выяснена, например, неоднородность положения союзников в смысле уплаты фороса, активность их участия в назначении ставок фороса и т. п. Уплата фороса некоторыми крупными полисами, вроде Византия, не влияла на их политическое положение. Характерно, что политическая полноправность и земельные владения, конфискованные у Фасоса после подавления восстания, были ему позднее возвращены. Установление единства монеты, мер и весов совсем не обязательно свидетельствует, как полагает автор, о подавлении и эксплуатации. Что касается «распоряжения союзными средствами, как своими собственными», то вряд ли можно после появления указанных новых данных столь некритически повторять это утверждение олигархических источников. Следовало бы обратить внимание на то, что списки фороса, публичной отчетности в этом отношении, появились именно в 454 году, т. е. в год перенесения казны с Делоса в Афины. Кстати, ниоткуда не следует, что с этого года прекращает свое существование совет уполномоченных союзников.

Вызывает возражения характеристика причин Пелопоннесской войны (гл. III). Автор сводит эти причины к торговому соперничеству между Афинами и Коринфом и к противоречиям между Спартой и Афинами, «боровавшимися за гегемонию над греческими полисами» (стр. 57). В этой связи автор рассматривает Коринф как самый крупный полис в Элладе этого времени, как единственного достойного соперника Афин, который и подталкивает Спарту на развязывание войны, хотя и сама Спарта готова напасть на Афины.

Таким образом, война, которая, по выражению самого автора, «в масштабах эллинистического мира... приобрела характер войны всеобщей», объясняется лишь противоречиями между тремя крупными полисами. Вряд ли нужно доказывать упрощенность этой концепции. Труд Фукидида ясно показывает, что решающую роль в развязывании войны сыграли противоречия между Афинской державой и Пелопоннесским союзом (а не между Афинами и Спартой).

Главного врага Спарта видела именно в Державе, а не в Афинах как таковых, как это утверждается в рассматриваемой главе. Вряд ли можно категорически утверждать, что Спарта стремилась к гегемонии над Элладой; Фукидид прекрасно показывает, что такое стремление было чуждо Спарте V века. Следует помнить, что подобные планы возникали у новаторов, враждебных традициям «ликурговой» Спарты, как, например, у Клеомена I, Павсания или Лисандра. Но опасность для себя нового объединенного государства во главе с Афинами спартанские политики ясно признавали.

Социально-политическое развитие Греции в IV в. до н. э. характеризуется в томе как «кризис полиса». Несомненной положительной стороной соответствующего раздела книги (гл. III, § 2) является весьма удачное изложение истории ряда греческих государств, которым не уделяется обычно должного внимания в общих курсах: Беотии, Родоса, Византия (к сожалению, не упоминается о столь важном государственном образовании, как Олинф). В разделе содержится интересный материал, характеризующий развитие рабства в IV в.

Нельзя вместе с тем не отметить, что определение причин и сущности кризиса полиса, данное в томе, крайне схематично и далеко не во всем может быть подкреплено данными источников. Единственной новой чертой, отличавшей социальную жизнь IV в. от предшествующего периода, отмеченной в этом определении, является развитие наемничества. Основной предпосылкой кризиса полиса был, как считает автор, «интенсивный процесс концентрации земли» и разорения крестьянства. Однако социальные

¹ B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, *The Athenian Tribute Lists, I—IV*, Cambridge, Harvard University Press, 1939—1952.

противоречия, связанные с этим процессом, отмечались в той же главе и для гораздо более раннего времени — периода начала Пелопоннесской войны.

В чем состояли особенности этого процесса в IV веке, автор не разъясняет. Вообще положение об «интенсивной концентрации земли» в главе никак не конкретизируется и не иллюстрируется никакими фактами. Напрашивается вывод, что если это положение нельзя в настоящее время подкрепить данными источников, то вряд ли стоило уделять ему столь решающее место в концепции кризиса полиса¹.

Политический кризис Эллады в IV в. — факт несомненный. Причины и характер этого кризиса исследованы в литературе недостаточно. Поэтому трудности, которые стояли перед авторами и редакторами II тома «Всемирной истории» в освещении данного вопроса, были достаточно велики. Однако именно эти трудности обязывали их подойти исследовательски к решению указанной проблемы, а не ограничиться изложением столь общей схемы.

Глава V «Эллинская культура V—IV вв. до н. э.» написана неровно. Наука и философия освещены не трафаретно, в частности ценна характеристика математической мысли, которой обычно не уделяется должного внимания в книгах общего характера. С интересом читаются строки, посвященные Гиппократу. Весьма удачными представляются разделы, посвященные философам-материалистам, а также Платону и Аристотелю. Хотелось бы только более распространенной трактовки политического содержания материалистических учений.

Менее удачен раздел «Софисты». Несколько поверхностно и неточно излагается политическое значение и содержание деятельности «софистов»; теория права сильного выдвигалась скорее демократической политической мыслью, чем олигархической; чересчур бегло — только в аспекте естественного права — говорится о важнейшей проблеме *φύσει* и *νόμῳ*.

Основным недостатком характеристики историков V—IV вв. является то, что в ней не вскрыты связи историографии с политической литературой и окружающей политической и культурной жизнью в целом. Бледен краткий раздел об ораторах, о Демосфене — две фразы, втрое меньше, чем об Исократе. Не оригинальны разделы о литературе и театре; в частности, основной вопрос о театре, как о важнейшем компоненте эллинской культуры, в разделе почти совсем не затронут.

Не понятно, почему «в творчестве Эврипида уже видны симптомы надвигающегося кризиса полисного мировоззрения», причем этот кризис усматривается в скептическом отношении к всемогуществу богов; в таком случае и гомеровские поэмы выражают наступление этого кризиса, не говоря уже о материалистической философии VI века. В гораздо большей степени удовлетворяют разделы об архитектуре и скульптуре.

В целом главы II тома «Всемирной истории», посвященные истории классической Греции, являются определенным достижением нашей науки.

Благодаря тому, что авторы и редакция не ограничились изложением истории двух-трех наиболее известных греческих государств, как это обычно делается в общих курсах, им удалось дать сравнительно полное и целостное представление об историческом развитии Эллады. С другой стороны, внимание, уделенное в томе отдельным конкретным вопросам социально-экономического развития (например, роли труда свободных), позволило вскрыть некоторые специфические особенности греческого общества классического времени.

Однако недостаточность творческого, исследовательского подхода к ряду важнейших проблем греческой истории, а также неучет некоторых новых данных приводят к тому, что некоторые разделы рассматриваемых глав представляют собой повторение традиционных схем.

Очень интересна и содержательна VII глава, посвященная характеристике Ахе-

¹ Данные новых работ об аграрных отношениях в Аттике (см., например, M. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens*, 500—200 B. C., New Brunswick, 1951) свидетельствуют о слабости концентрации земли в IV в.

менидской державы IV века. В VIII, IX и X главах дана широкая картина развития эллинистического мира. Изложению истории завоеваний Александра и эллинистических государств закономерно предшествует характеристика политического положения в Элладе. В этой характеристике вызывает возражение несколько преувеличенная, на наш взгляд, оценка господствующего положения Македонии.

При характеристике походов Александра следовало бы, на наш взгляд, объяснить его движение вдоль восточного побережья Средиземного моря. Совершенно правильно подчеркивается при изложении дальнейших походов огромное значение борьбы за Среднюю Азию; здесь стоило бы оттенить дипломатическую сторону действий Александра.

Вряд ли можно безоговорочно утверждать, что развитие политических идей в Элладе времен Александра шло в направлении обожествления царской власти и «облегчало применение восточной теории власти» (стр. 221). Эллинская демократия была жизнеспособна и активна в это время, так же как и в эпоху борьбы диадохов; говорит об этом хотя бы та огромная популярность Демосфена, которая обусловила столь широкое распространение его литературного наследия после его смерти¹.

Следует подчеркнуть то уважение и внимание к политическому статусу эллинистических полисов (малоазиатских, в частности), проявленные Александром, которые явствуют из переизданных и комментированных Уэллсом надписей.

В изложении борьбы диадохов хотелось бы найти более глубокую оценку ее движущих сил: ведь Пердикка, Антигон, Эвмен, Селевк были представителями разных политических направлений. В связи с этим следовало бы подчеркнуть политическую роль Эллады в этой борьбе.

Глава IX содержит четкую и глубокую характеристику социально-экономических и политических отношений эллинистической эпохи. Следует отметить полноту охвата различных эллинистических государств в данной главе.

В характеристике социального строя Птолемеевского Египта хотелось бы большей четкости в определении положения «царских земледельцев»; вряд ли можно категорически утверждать, что они ни при каких обстоятельствах не могли покидать своих наделов. Чересчур суммарно характеризуется положение ремесленников в Птолемеевском Египте: то, что они целиком зависели от царской администрации, еще не определяет их социального положения. Слабо освещен сравнительно хорошо изученный вопрос о судебно-правовом положении различных категорий трудящихся нерабов. В связи с этим следовало бы более четко определить социально-экономическую природу крупного землевладения, в частности вопрос о характере собственности.

Очень удачным представляется раздел о Селевкидской державе. Единственное замечание вызывает весьма интересная в целом характеристика городов. Здесь хотелось бы видеть более четкое определение социально-политического характера городского землевладения и природы городской собственности; в связи с этим стоило бы упомянуть, что сами Селевкиды рассматривали города как особую и политически автономную часть своей державы — γῆ συμμαχική.

В разделе об эллинистической Греции следовало больше подчеркнуть ту важную роль, которую играли в данную эпоху новые формы политических объединений: Ахейский и Этолийский союзы, и связать их социальную природу с общим социальным кризисом, переживавшимся Грецией. В изложении ожесточенных военных столкновений между эллинистическими государствами недостаточно ясно показаны их причины и цели; роль Греции в этих войнах почти совсем не отмечена; о союзе островитян южной Эгеиды, игравшем важную роль в войнах III века, в главе не упоминается вовсе.

В особый период выделяется история эллинистического мира II — первой половины I в. до н. э.; этот период определяется как социальный и политический кризис эллинистических государств, но в чем сущность этого кризиса, даже каковы его проявления, особенно в Селевкидской державе, остается неясным.

¹ См. E. D e r e u p, Antike Demosthenesausgaben, 1899.

Глава об эллинистической культуре очень интересна, но носит несколько описательный характер; попыток найти общие признаки, характерные для многообразных проявлений этой культуры, мы в рассматриваемом томе не найдем. Огромным достижением эллинистической науки дается совершенно неожиданная оценка: «... сочетание гениальных идей, тонких наблюдений с совершенно некритическим отношением к передаваемым фактам и слепым доверием к умозрительным положениям...» (стр. 271—272). Прежде всего трудно понять основную мысль этой оценки; но еще труднее связать ее резко отрицательный характер с теми великими достижениями, которые перед этой оценкой констатируются и которые отнюдь не представляют собой «умозрительных заключений». Во всяком случае подводить под эту оценку всю эллинистическую культуру в целом невозможно.

К сожалению, в разделе не упомянуто об открытиях в медицине, анатомии, физике. При всей правильности и содержательности характеристик других сторон эллинистической культуры в них не хватает указаний на связь с основными социально-экономическими и политическими чертами эллинистического мира, — ту связь, которая определяла мировой характер этой культуры.

Несмотря на отмеченные недостатки и отдельные спорные положения, в целом рассматриваемые главы II тома, содержащие богатый материал и немало новых интересных мыслей, являются серьезным вкладом в изучение проблем эллинизма в советской историографии.

* * *

История Древнего Рима занимает важное место во II томе «Всемирной истории», охватывающем период, когда рабовладельческий способ производства достиг наивысшего развития, перейдя затем к стадии своего упадка, кризиса и падения.

Остановимся прежде всего на структуре тех частей тома, в которых излагается римская история. В ее основу положена традиционная периодизация по чисто политическому признаку, хотя и не вполне выдержанная. Так, «Древнейший период истории Рима» и «Римская республика в V—IV вв. до н. э.» определены по временному признаку. Само собой разумеется, что построить единую периодизацию на социально-экономической основе для всего исторического процесса невозможно: историческое развитие происходило крайне неравномерно, и каждый хронологический отрезок мировой истории включал в себя слишком разнородные общественные образования. Однако для истории каждого более или менее единого социального комплекса можно дать единую и более строгую периодизацию.

На обе традиционные части римской истории — доимператорский период и период империи — отведено примерно одинаковое количество страниц. В обычных курсах империи уделяют гораздо меньше внимания. Думается, что авторы и редакторы данного тома в этом вопросе поступили совершенно правильно. Хотя период республики обнимает больший отрезок времени и включает в себя такие важные события, как гражданские войны II—I вв. до н. э., однако значение Римской империи с всемирно-исторической точки зрения весьма велико. К тому же история империи в литературе (в частности, в советской литературе) разработана значительно слабее.

Зато внутри доимператорского периода существует явная диспропорция между отдельными частями. История Рима до гражданских войн изложена необычайно сжато. Так, на древнейший период отведено 5 страниц, на историю республики V—IV вв. — 4 страницы, история первой Пунической войны втиснута в полторы страницы и т. д. Такая сжатость вредно отражается на содержании. В погоне за краткостью автору приходится опускать не только детали, но порой и существенные моменты. Так, история этрусского господства в Риме уложена в неполных 10 строк, тогда как из I тома «Всемирной истории» мы узнаем, что «... не только экономические и культурные взаимоотношения с этрусками играли большую роль для древних римлян, но и основные факты их ранней политической истории тесно связаны с историей этрусков» (стр. 635). Кстати, отметим здесь же некоторую несогласованность между

I и II томами по вопросу о возникновении Рима: в I т. это событие датируется VII в. (стр. 635), во II т. — началом VI в. (стр. 113).

Недопустимо кратко изложено содержание законов XII таблиц — этого важнейшего памятника экономической и социальной истории раннего периода Рима. К тому же в этом изложении есть неточность. Мы читаем: «Законами признается родовая месть, но вместе с тем за ряд проступков устанавливаются штрафы» (стр. 121). Хотя в законах XII таблиц сохранились многочисленные пережитки родового права, но нигде нет признания кровной мести, как таковой. По-видимому, автор смешивает здесь принцип тальона с кровной местью (табл. VIII, 2—4). Однако это разные вещи.

Говоря о реформах Аппия Клавдия (стр. 124), автор не упоминает, что как раз важнейшие из его реформ были отменены его преемниками по цензорству.

Не совсем понятно, почему термин *civitas* не пояснен знакомым читателю словом «полис», хотя несколькими строками ниже говорится о «полисной морали» (стр. 126).

Очень важный вопрос о сословно-классовой структуре римского общества IV—III вв., на наш взгляд, поставлен недостаточно ясно. «Классовая структура римского общества VI—III вв. вырисовывается с достаточной четкостью. Определяющим становится деление общества на свободных и рабов» (разрядка рецензента) (стр. 287). Из этой фразы как будто следует, что свободные и рабы являлись классами. Однако, если по отношению к рабам понятия «класс» и «сословие» совпадают, то по отношению к свободным это не так. Как указывает сам автор, свободные состояли из двух основных классов: крупных землевладельцев и рабовладельцев и свободных производителей — сельского и городского плебса. С другой стороны, мы читаем, что «класс крупных землевладельцев и рабовладельцев был представлен в Риме IV—III вв. привилегированной группой нобилитета — новой знати, образовавшейся в результате слияния патрицианско-плебейской верхушки. Это было высшее сословие (*ordo*), пополнявшее своими представителями высшие магистратуры и ряды сената» (там же). Следовательно, помимо того, что внутри сословия свободных существовало деление на несколько классовых прослоек, это основное сословие (свободные вообще) делилось в свою очередь на два сословия: побилитет и плебс. Кроме того, сюда не входили категории неполноправных граждан и начавшее формироваться в конце III в. сословие всадников.

Начиная с гл. XI («Обострение классовой борьбы в Римской державе. Восстания рабов») изложение становится более подробным, что сразу же отражается на полноте и качестве материала. Первые три раздела этой главы не вызывают замечаний, кроме одного: историю второго сицилийского восстания рабов хотелось бы видеть изложенной более подробно и, главное, более содержательно. Ведь как раз второе восстание дает некоторый материал для суждения о тактике рабов (Афиинон), а также для вопроса об участии в восстании местного населения (роль святилища Паликов).

Описание диктатуры Суллы, при всей его относительной краткости, интересно тем, что автор (на наш взгляд, совершенно правильно) подчеркивает известную двойственность и противоречивость в деятельности диктатора: наряду с мероприятиями явно реакционными, он вынужден был проводить и такие меры, которые вызывались требованиями времени и были поэтому прогрессивными. Этот момент особенно важно подчеркнуть потому, что в советской литературе есть тенденция замечать только одну — реакционную — сторону деятельности Суллы (см. оба издания «Истории древнего мира» для учительских и педагогических институтов).

В связи с восстанием Спартака хотелось бы обратить внимание на карту его походов (стр. 369). На ней предполагаемое движение рабов от Мутины к Альпам обозначено стрелкой, обращенной на северо-запад. Источники не указывают, в каком месте Спартак намеревался перейти Альпы. Аппиан пишет: «Спартака же, спешившего через Апеннины к Альпам, а оттуда к кельтам, один из консулов...» и т. д. (В. С., I, 117). Эти слова вовсе не указывают категорически на северо-западное направление, так как кельты паходились и на Дунае. К тому же переход через Юлийские Альпы, т. е. в северо-восточном направлении, был гораздо легче всякого другого,

и этого не мог не знать Спартак. Поэтому вряд ли стоило обозначать предполагаемый маршрут Спартака от Мутины.

Глава XII («Падение республики в Риме») в целом написана хорошо. Можно отметить правильный анализ движения Катилины (стр. 379). Автор показывает, что это движение не имело прочной социальной основы; его участников объединяла лишь ненависть к сенатской олигархии. Оно свидетельствовало о прогрессирующем разложении римско-италийской демократии, которая была не в силах остановить стремительное скатывание Рима к военной диктатуре. «На смену сенатской аристократической республике шла империя».

Империя и явилась впервые в образе Цезаря. Правда, авторы и редакторы II тома по традиции начинают историю империи с Августа. Но это, в конце концов, не столь уж важно. Важно то, что именно Цезарь в широких масштабах начал проводить ту политику, которая с тех пор стала определяющей для империи.

В томе дается глубокий анализ этой политики и убедительно раскрывается ее связь со всем предшествующим опытом борьбы за военную диктатуру. Автор показывает непоследовательность политики Цезаря по созданию сильной военной монархии, чем подводит читателя к пониманию причин его гибели.

Выясняя причины падения республики, автор справедливо отмечает, что при Цезаре и Августе были заложены лишь основы развития Римской империи (стр. 393). Это замечание лишний раз свидетельствует о некоторой условности хронологической грани между республикой и империей. Едва ли поэтому можно принять без оговорок утверждение редколлегии, что уже при Августе вполне сложилась новая форма подавления эксплуатируемых масс и управления Римской державой — империя, пришедшая на смену республике (стр. 449).

Раздел об империи (главы XX, XXI, XXIV и XXVII) написан очень хорошо. Главным достоинством этих глав является то, что в них впервые сделана удачная попытка дать обзор империи в целом, т. е. широко включая провинциальный материал. До сих пор в работах общего характера история императоров преобладала над историей империи, а история Италии — над историей провинций. В рецензируемых главах (в особенности, если присоединить к ним частично еще главы XXIII и XXVI) достигнуто более или менее правильное соотношение между двумя основными аспектами истории империи. Конечно, римские провинции изучены еще далеко не полно, но и имеющегося материала достаточно для того, чтобы включить его в историю и тем покончить с традиционным преобладанием в историографии римского центра над периферией. Таким образом, само построение императорского периода во II томе отличается свежестью и новизной. К этому нужно прибавить использование эпиграфического материала, введение в научный оборот некоторых малоизвестных провинциальных восстаний, последовательно проводимую характеристику отдельных групп провинций и т. д.

Остановимся на некоторых деталях. На стр. 597—616 дан сжатый, но разносторонний и правильный анализ принципата Августа. Хорошо изложена история империи во времена Юлиев—Клавдиев (стр. 616—636). Здесь, в частности, нужно отметить анализ борьбы группировок среди правящего класса Италии, объясняющий политику императоров этого периода, экономических сдвигов в Италии и провинциях, развития городской жизни, народных движений.

Одной из лучших глав нужно признать главу XXI — «Римская империя в период своего высшего могущества» (стр. 637—668). В ней хорошо показана эволюция империи в направлении превращения ее в универсальную рабовладельческую державу Средиземноморья и связанное с этим укрепление императорской власти (лучше говорить именно об укреплении, а не об усилении власти, как сказано на стр. 640), опирающейся на новую знать. Очень интересен второй раздел этой главы — «Социально-экономический строй империи во второй половине I в. и во II в. н. э.». Прекрасно обрисовано положение в западных и восточных провинциях (стр. 649—657).

Некоторое недоумение возбуждает только одно место. Мы читаем: «С середины I в. не было крупных восстаний рабов, но побеги рабов и убийства рабовладельцев

не прекращались. Правительство, с одной стороны, шло по линии усиления репрессий. При Траяне было предписано предавать пытке не только рабов, но и отпущенников убитых владельцев... С другой стороны, страх перед восстаниями рабов заставлял правительство идти на частичные уступки» (стр. 646—647). Далее следует перечисление известных законодательных актов, говорящих о некотором улучшении юридического положения рабов во II в. (к этому перечню можно еще прибавить законы Клавдия и Нерона, хотя они хронологически предшествуют мерам Антонинов). Если не было крупных восстаний рабов, то почему страх перед ними заставил правительство идти на уступки? Ведь пора восстаний рабов давно миновала. Не были ли распоряжения Траяна только частными мерами, вызванными особыми условиями его правления и не нарушающими общей тенденции к смягчению положения рабов в первые два века империи? Во всяком случае, это место требует разъяснения.

Глава XXIV рисует кризис империи во второй половине II в. и в III в. Правильно отмечается, что в основе кризиса лежит «процесс разложения основных классов — рабов и рабовладельцев» (стр. 725). Очень интересен анализ тех изменений в социально-экономическом строе империи, которые сопутствовали этому процессу: разложение города как коллектива землевладельцев и рабовладельцев, рост удельного веса крупных натурально-замкнутых поместий, усиление зависимости колоннов от землевладельцев, ослабление хозяйственных связей между частями империи. Важное место в концепции кризиса III века, проводимой в томе, занимает характеристика социальной сущности римской армии. На основе изучения эпиграфических данных и других источников автор показывает близость армии к слою средних землевладельцев и формулирует важный вывод, что «...за счет усиления ветеранского землевладения мог временно возродиться тот социальный слой средних рабовладельцев, который господствовал в империи в I—II вв.» (стр. 728). Особенно важную роль в этом отношении играли прирейнские и придунайские провинции, где крупные поместья отсутствовали и мелкое землевладение имело большое значение.

Все это убедительно объясняет возникновение и течение острого политического кризиса империи II—III вв.: характер народных восстаний, борьбу «сенатских» и «солдатских» императоров, распад империи на части и роль «иллирийских» императоров в восстановлении империи.

Об изменениях в социальном и политическом строе империи, связанных с установлением домината, достаточно подробно говорится в гл. XXVII — «Поздняя Римская империя. Крушение рабовладельческого строя». Необходимо отметить удачное освещение в данной главе той проблемы, которая столько времени являлась предметом дискуссии в советской исторической науке: проблемы падения рабовладельческого строя в Римской империи. Можно вполне согласиться с той формулировкой решения этой проблемы, которая дана в последнем разделе главы: «Историческое значение падения Западной Римской империи» (стр. 814—817). Здесь правильно говорится о сочетании в обществе поздней империи старых рабовладельческих отношений «с элементами новых, предвосхищающих отношения феодальные, но зародившихся еще в недрах рабовладельческого общества...». Удачен и анализ принципиального отличия позднеримского колоната от феодальных отношений: колон не имел права собственности на орудия производства и на свое частное хозяйство (стр. 816). Поэтому и эксплуатация колоннов и посаженных на землю рабов не приобрела еще характера феодальной эксплуатации.

Очень важно, что в заключительном разделе XXVII главы со всей решительностью подчеркивается рабовладельческий характер римского государства и права в период поздней империи.

Уделяя должное внимание складыванию предпосылок феодальных отношений в социально-экономическом строе поздней империи, авторы справедливо отмечают, что развитие и победа этих отношений в рассматриваемую эпоху были невозможны без революционного переворота. Падение Западной Римской империи не могло быть вызвано «только внутренними силами римского общества. Широкие народные движения III—V вв... несомненно, расшатали Римскую империю, но оказались не в со-

стоянии ее окончательно сокрушить. Для этого потребовалось сочетание классовой борьбы внутри общества с таким внешним фактором, как вторжения „варварских“ племен на территорию Римской империи» (стр. 817).

История Рима во II томе «Всемирной истории» представляет важный этап в развитии советской историографии об античности. Он подытоживает достижения нашей науки в этой области почти за 40 лет. В этом главное значение очерка римской истории II тома, очерка, далеко выходящего за рамки только популярного курса.

* * *

Немалые трудности стояли перед авторами глав, посвященных племенам Европы и Азии в I тысячелетии до н. э. Благодаря фрагментарности или тенденциозности, а часто и полному отсутствию письменных источников, основным, а в ряде случаев и единственным источником для изучения многочисленных племен, составлявших огромное большинство человечества, остается археологический материал. А он далеко не полон. Карта археологических культур Европы и Азии I тысячелетия до н. э. изобилует белыми пятнами. Разработка имеющегося материала тоже далека от завершения, и по ряду значительных проблем согласие между специалистами еще не достигнуто. Поэтому авторам рецензируемых глав пришлось не только подводить итоги определенным исследованиям, но и самим проводить значительную исследовательскую работу.

В целом работа эта проведена успешно, ряд разделов носит оригинальный исследовательский характер, что придает им большую ценность. Это относится в первую очередь к VI главе, где впервые в труде подобного рода дана связанная и концентрированная картина истории племен I тысячелетия до н. э. от Пиренейского полуострова до Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Во вводной части главы правильно подчеркивается крайняя неравномерность исторического развития отдельных областей в рассматриваемую эпоху. Может быть, здесь следовало бы сказать о причинах этой неравномерности — о различных путях и темпе социально-экономического развития, определившихся еще в эпоху бронзы в силу различных естественных и исторических условий.

Столь же правильно подчеркнута во вводной части главы тесная связь истории рабовладельческих обществ с историей окружающих их племен. Однако здесь чрезмерно акцентирована (и, как нам представляется, несколько модернизирована) лишь одна сторона их взаимодействия: ограбление рабовладельцами этих племен, территориальные захваты, принудительная колонизация, неэквивалентная торговля и т. п. Между тем немалое значение имела и другая сторона связей — прямое (а не только косвенное) культурное воздействие цивилизованных государств на варварскую периферию и экономические связи, сыгравшие огромную роль в характере и темпе ее дальнейшего социально-экономического развития.

В первом разделе главы рассмотрены племена Западной и Юго-Восточной Европы. Открывающий его краткий очерк посвящен иберам. Он дает читателю общее представление о сложном этническом составе населения Пиренейского полуострова, о социальном строе и хозяйстве его ведущей группы — иберов. Намечены и основные моменты истории иберов. Сжатый характер изложения и осторожность выводов соответствуют в общем крайней фрагментарности источников, касающихся древнейшей Испании. И все же раздел мог бы быть пополнен за счет анализа некоторых групп археологических материалов. Так, можно было бы напомнить читателю о существовании глубоко своеобразного и яркого бронзового века Пиренейского п-ва, на базе которого развивалась культура раннего железного века иберийских племен. Авторы главы говорят о самобытности этой культуры, но не развивают эту правильную мысль. Нам представляется, что характеристику иберийской культуры можно было бы дать подробнее и точнее, подчеркнув первоначальное отличие ее от проникшей из Центральной Европы кельтской латенской культуры и постепенное сближение двух культур, приведшее к образованию оригинального «пиренейского латена» — т. е. «культуры кельтиберов».

Очень хорошее впечатление оставляет очерк истории кельтских племен, сыгравших столь значительную роль в судьбах Европы I тысячелетия до н. э. И здесь авторы со-

храняют характерную для всей главы сжатость изложения. Но вместе с тем, умело используя как письменные, так и археологические данные, они сумели добиться большой четкости в освещении таких основных вопросов, как расселение кельтов, их взаимодействие с иными этническими группами, производственная деятельность, хозяйство, социальный строй, военная организация, религия и т. д. Но и здесь вызывает сожаление, что авторы ограничились лишь упоминанием основных кельтских городов и не остановились (хоть в нескольких фразах) на результатах раскопок Бибракте, Алезии, Страдонии, а также глубоко своеобразных кельтских поселений Британии. Такое описание могло бы значительно конкретизировать представление читателя о кельтском градостроительстве, металлургии (а развитая металлургия железа сыграла немалую роль в широком распространении кельтов), культурных связях и военной истории кельтов.

Хорошо написаны разделы, посвященные германцам, иллирийцам и фракийцам; отрывочные и разрозненные данные о них сведены воедино, что позволило дать связную историю этих народов в I тысячелетии до н. э. Однако и к этим разделам может быть предъявлен тот же упрек, что и к предыдущим: своеобразие культуры народов не показано с должной конкретностью. Правда, археологические источники по истории этих народов (особенно иллирийцев) еще весьма фрагментарны, но некоторые данные все же могут быть использованы. Так, значительной проблемой, вызвавшей немало споров, являются фракийско-скифские культурные связи и вклад фракийцев в формирование культуры Западного, да и Северного, Причерноморья.

Несколько слов об иллюстрациях и картах. Этническая карта Европы V—IV вв. до н. э. представляется достаточно наглядной и правильной. Что же касается иллюстраций, то их явно недостаточно. Разделы о германцах и фракийцах значительно выиграли бы, если бы их сопровождали таблицы хотя бы немногих форм материальной культуры этих народов. К разделу о кельтах таблица подобрана не совсем удачно: более характерны вещи из классических областей Латена — с территории Франции и Швейцарии.

Однако все указанные замечания незначительны и не нарушают вполне благоприятного впечатления от всего раздела в целом. К сожалению, этого нельзя сказать о втором разделе, посвященном племенам Северного Причерноморья VI—IV вв. до н. э. История скифов и сарматов, рассмотренная здесь, является одним из наиболее ярких и значительных моментов древней истории Восточной Европы. Плодотворные исследования русских и советских археологов, историков, лингвистов значительно способствовали разрешению этой важнейшей проблемы. Отражено ли нынешнее состояние ее рассматриваемым разделом? Представлена ли история племен Северного Причерноморья на фоне всемирной истории I тысячелетия до н. э? Ведь в этом, кажется, должна была бы заключаться специфика рассматриваемого раздела и отличие его хотя бы от соответствующей главы в «Очерках истории СССР». Однако в рассматриваемом разделе читатель найдет лишь поверхностное описание давно известных фактов, избилующее обтекаемыми формулировками при полном отсутствии конкретности и четкости. Автор даже не пытается выяснить последовательность исторических событий, связанных с причерноморскими племенами. Что, например, узнает читатель из раздела, посвященного киммерийцам? Автор ограничился здесь лишь общими фразами о неопределенности территории киммерийцев и термина «киммерийская культура», а также о том, что самим термином «киммерийцы» пользовались как собирательным. Древние авторы подходили к этому вопросу гораздо более определенно: они понимали под киммерийцами конкретную группу племен, которая воевала с Каппадокией, Пафлагонией и Фригией. Известно, что киммерийцы доходили до ионийских городов Малой Азии, в 711 г. до н. э. вступили в борьбу с урартами, а в первой половине VII в. до н. э. угрожали Ассирии, заключив союз с Русой II. Тогда же киммерийцы вторглись в Лидию, по сообщению Геродота, им удалось захватить Сарды. Почему же в рецензируемом разделе о киммерийцах сообщается лишь то, что они жили неизвестно где, имели невыясненную культуру и были вытеснены скифами?

В еще большей мере эти же недостатки присущи разделам, посвященным скифам и сарматам. И здесь поражает отсутствие четкого плана, случайная последовательность

рассмотренных вопросов. Фактически опущен важнейший вопрос о происхождении скифов, широко освещавшийся в научной литературе (труды Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова и др.). Автор лишь повторяет хорошо известное и ныне прочно обоснованное мнение о принадлежности языка скифов к североиранской группе языков. Однако именно в этой связи большой интерес представляет сопоставление данных лингвистики с данными археологии. Последние исследования в области археологии эпохи бронзы, особенно изучение срубной и андроновской культур, значительно продвинули вперед разрешение вопроса о подоснове культуры скифов и сарматов. Результаты этих работ в значительной мере нашли уже отражение в печати, и вызывает удивление, что они оказались обойденными в столь ответственном издании.

Вообще скифская проблема представлена в рецензируемом разделе крайне аморфно. По сути дела, автор не показывает, где же были собственно скифы и где были племена, входившие в их политическое объединение или подвергшиеся определенной культурной нивелировке с ними. Этому вопросу была посвящена специальная конференция, труды которой изданы еще в 1954 г. Автор же ограничивается лишь туманным замечанием о нескифском происхождении племен лесостепи. Между тем эти лесостепные племена явились строителями огромных городищ (Бельского, Немировского, Пастерского и др.) и создателями высокой культуры.

Расселение собственно скифских племен представлено крайне бегло, различия между отдельными их группами не конкретизированы. Всемирно известные памятники скифской культуры приведены лишь в виде иллюстраций, причем использованы только материалы старых раскопок, тогда как можно было бы использовать результаты последних исследований (Марзупольский курган). Несмотря на трафаретные фразы о зверином стиле, сколько-нибудь ясного представления о скифской культуре читатель не получает. Весьма спорным является положение автора о непрочности скифского объединения и номинальности власти вождя. Ведь речь идет о союзе, в течение веков совершавшем большие и сложные военные предприятия, выдержавшем и отбившем нашествие Дария, создавшем огромные укрепленные поселения. И именно в силу определенной прочности скифского союза со времени Атея начала развиваться скифская государственность. Вряд ли можно считать, что Геродот преувеличивает воинственность скифов: его сведения полностью подтверждаются данными археологии.

Мы не будем останавливаться на мелких недочетах и неудачных терминах: их достаточно много. Но необходимо отметить, что истории скифов автор раздела не дает совсем: даже о вторжениях в Малую и Переднюю Азию и о борьбе с войсками Дария читатель узнает из косвенного замечания. Из многочисленных активных и сложных связей скифов упомянуты лишь связи с греками; такие важные вопросы, как связи с Фракией, Кавказом, Средней Азией, Ираном, — обойдены совсем.

На общем фоне интересной и хорошо написанной VI главы этот раздел представляет крайне неудачное исключение.

Несравненно лучше написан раздел, посвященный племенам Средней и Северо-Восточной Европы, несмотря на то, что многие из них в письменных источниках не упомянуты совсем, а археологически освещены крайне слабо. Особенно это касается вопроса об этногенезе и древнейшей истории славян. Вопрос этот еще весьма далек от разрешения, но в рецензируемом разделе он изложен очень стройно и четко, хотя и с должной осторожностью. Предпосланные изложению некоторые общие установки относительно специфики археологического материала этих областей совершенно правильны. Образцово для столь краткого очерка изложен вопрос о культуре древних славян: автор добился здесь достаточной выразительности, хотя и не перегрузил свое изложение археологическими фактами. Должным образом освещены связи славян (здесь следует отметить предельно четкую и правильную оценку скифо-славянских связей), а также те немногочисленные факты, которые известны по истории славянских племен в I тысячелетии до н. э. Столь же благоприятное впечатление производят разделы, посвященные прибалтийским и угро-финским племенам. По этим разделам можно сделать лишь одно частное замечание: плавка железа в горшках вызывает сомнение и не показательна для раннего этапа железной металлургии.

Превосходно написан последний раздел главы, посвященный племенам Казахстана и Сибири во второй половине I тысячелетия до н. э. Предложенное автором решение крайне сложного вопроса о локализации племен, исторической интерпретации и хронологии основных памятников (особенно это касается спорной хронологии Пазырыкских курганов) является наиболее приемлемым. Несмотря на огромный охват, автор сумел дать представление о всех основных территориальных группах. Впервые на страницах издания столь широкого профиля получила отражение история племен Северной Монголии, Тувы, Прибайкалья, Якутии. Правильно интерпретированы открытия в самые последние годы археологические памятники Дальнего Востока, что позволило дать общее представление об обитавших там племенах. Главу завершает краткий очерк арктических племен.

Вопросы дальнейшей истории Северного Причерноморья (III—I вв. до н. э.) рассмотрены в первых разделах XIII главы, написанных на весьма высоком уровне. В них четко представлены изменения в расстановке сил в Северном Причерноморье, продвижение к западу сарматских племен и ослабление античных городов. Автор справедливо подчеркивает значение процесса оседания скифов на землю, сыгравшего большую роль в создании скифского царства в Крыму. Последний вопрос можно было бы теснее увязать с предшествующим развитием государственности у скифов, начиная с правления Атея.

Чрезвычайно сложная задача стояла перед автором в разделе главы, посвященного племенам и народам Центральной Азии. Сложность эта определялась скудостью как письменного, так и археологического материала и спорным характером многих проблем, подлежащих освещению в данном разделе. Несмотря на это, раздел в целом весьма удачен, а наличие в нем отдельных спорных моментов вполне закономерно. Укажем некоторые из них. Вполне вероятно предположение о том, что ядро гуннского союза составляли монгольские племена, и автор имел право присоединиться к нему. Однако наряду с этим предположением существуют и другие теории, прежде всего теория тюркской принадлежности гуннов. Это необходимо было оговорить. Спорным — в силу отсутствия данных — представляется тезис о рабовладении у усуней. Нельзя считать бесспорным отождествление Кангюя с Хорезмом, здесь можно было бы указать и на иное мнение, согласно которому Хорезм — лишь малое владение, входящее в Кангюй (Иакинф, II, стр. 315). Не доказан захват Хорезмом Согдианы. Однако эти спорные моменты не нарушают общего положительного впечатления от раздела. Это относится и к первым разделам XXII главы, посвященным Кушанскому царству и истории отдельных областей Средней Азии в первые века нашей эры. Некоторые вопросы (история Ферганы, Согдианы, Бактрии, среднеазиатских гуннов) изложены, может быть, чрезмерно лаконично, хотя в большинстве случаев это является следствием современного состояния изученности указанных проблем.

Глава XXIII посвящена разложению первобытно-общинного строя у племен Европы и Сибири в первые века нашей эры. Структура главы представляется правильной; в частности, закономерно, что основное внимание в разделе, посвященном Западной и Юго-Восточной Европе, уделено уже не кельтам, а германцам и славянам. Известным упущением представляется лишь тот факт, что история населения Пиренейского полуострова, начатая в VI главе, не получила продолжения. Прочие недостатки этой главы носят, как правило, частный характер, в то время как основные ее положения достаточно убедительны. В хорошо написанном разделе о славянах положительной оценки заслуживает крайне осторожное изложение таких сложных и до сего времени не решенных окончательно вопросов, как археологические памятники славян в первые века н. э., связи славян с империей и т. д. Так, вполне правильным представляется освещение крайне запутанного вопроса об этническом составе создателей черняховской культуры: автор раздела утверждает, что в создании этой культуры приняли участие различные племена, находившиеся в тесном культурном общении: фракийцы, готы, часть славян и пр. Несколько недооценена автором роль гуннов в истории основных этнических массивов Северного Причерноморья: поселения той же черняховской культуры были на большой территории сметены гуннским нашествием, пле-

мена Восточной Европы вели длительную и упорную борьбу с гуннами и подвергались значительным перемещениям.

В разделе, посвященном сарматам и племенам Северного Кавказа, приводится предположение о том, что роксоланы представляли союз кочевых сарматов и земледельческих племен Поднепровья — росов или рокосов. Предположение это крайне спорное, не имеющее сколько-нибудь убедительного фактического обоснования. Значительная часть исследователей видит в роксоланах авангард двигавшегося с востока массива ираноязычных аланских племен. Это следовало бы отметить. Спорным представляется и противопоставление тяжело вооруженных сарматов легко вооруженным лучникам-скифам. У скифов наряду с лучниками были и тяжело вооруженные воины, имевшие длинные мечи, на основе которых развились более длинные мечи сарматов.

Последний раздел XXIII главы охватывает племена значительной территории от Казахстана до Камчатки. В нем с достаточной полнотой использован значительный археологический материал, накопленный и систематизированный советскими исследователями. Никаких возражений этот раздел не вызывает.

Мало изученный период в истории Средней Азии — III—IV вв. н. э. — представлен в первом разделе XXV главы. Автор справедливо указывает на крайнюю скудость местной традиции, сохранившейся главным образом в более поздних пересказах. Несмотря на это, используя письменные источники более позднего времени и данные раскопок (главным образом в Хорезме), автор сумел дать достаточно четкую характеристику основных явлений политической, социально-экономической и культурной истории Средней Азии в это смутное время. Жаль лишь, что обойден важный вопрос о причинах падения Кушанской империи.

Глава XXVI посвящена племенным союзам, выступившим на историческую арену в III—IV вв. н. э. С этими племенными союзами связаны значительные перемещения на огромных пространствах Евразии, известные в истории под наименованием «великого переселения народов». Союзы племен сыграли определенную роль в процессе падения рабовладельческого строя как на Западе, так и на Востоке. Однако в ряде исследований эта роль была резко преувеличена и представлена крайне односторонне. «Варварские нашествия» провозглашались основной силой, ниспровергшей рабовладельческие государства, а вековая борьба союзов земледельческих племен против поработителей нивелировалась с грабительскими вторжениями кочевых орд. Вместе с тем недооценивалось обратное влияние рабовладельческих государств на «варваров», явившееся одним из решающих факторов в становлении у них феодальных отношений. В этой связи представляются совершенно справедливыми замечания общего характера, предпосланные главе и подтверждающие, что «нашествия сами по себе не могли бы разрушить рабовладельческий строй, но они ускорили его падение. Именно потому, что „варвары“ вступают в соприкосновение с обществом, уже в значительной мере изжившим рабовладельческие отношения, разложение первобытно-общинного строя приводит у них не к рабовладельческому, а к феодальному пути развития». Эта совершенно правильная установка определяет в основном дальнейшее изложение, посвященное истории гуннов, жуань-жуаней, эфталитов, аланов, германцев, славян в III—IV вв. Замечаний по существу глава не вызывает, но некоторые ее разделы чрезмерно лаконичны. Это касается прежде всего гуннов, действия которых как на Востоке, так и на Западе изложены слишком кратко. Недостаточно ясно показаны передвижение больших масс гуннов к Прикаспию и создание мощного, многоплеменного союза, вторгшегося в Европу в конце IV века. Можно было более конкретно представить борьбу гуннов с аланами и результаты этой борьбы, а также дать общую оценку их исторической роли, подчеркнув регрессивность ее и огромный ущерб, нанесенный гуннами земледельческим народам как Азии, так и Европы. Однако, повторяем, эти замечания носят частный характер и не умаляют больших достоинств главы.

В целом, несмотря на отдельные неудачные разделы, главы рецензируемого тома «Всеобщей истории», посвященные племенам Европы и Азии, являются серьезным и ценным обобщением данных современной науки о многочисленных народах древности, внесших свой большой вклад в историю человечества.

* * *

Древняя история народов Закавказья является одной из наименее изученных областей истории далекого прошлого нашей страны. Сведения письменных источников крайне фрагментарны, а результаты археологических исследований, хотя и дали много ценных материалов, тем не менее, далеко недостаточны для более или менее полного освещения важнейших исторических проблем. К тому же и добытые раскопками материалы далеко недостаточно изучены, и многое из них еще не опубликовано. В силу этого написание сжатого очерка истории Закавказья эпохи формирования народов, возникновения древнейших классовых обществ и государств представляет нелегкую задачу. Однако эта задача выполнена в рецензируемом томе в общем успешно. Автор учел все важнейшие результаты работ советских ученых, и таким образом написанный им очерк вполне отражает состояние советской науки по данному вопросу.

Следует особо отметить осторожность и добросовестность автора, который в изложении вопросов спорных, недостаточно освещенных, не пытался высказывать непроверенные выводы, субъективные взгляды, смягчать дискуссионность ряда вопросов. Это относится, например, к вопросам об исторической связи саспейров с иберами (стр. 155), о происхождении монет «колхидок», общественном и политическом строе Колхиды VI—IV вв. до н. э. (стр. 155—156 и стр. 414), о времени возникновения государства в Албании (стр. 417) и некоторых других.

Основное внимание автора направлено на освещение развития социально-экономических отношений народов Закавказья. И следует признать, что почти во всех случаях, где состояние источников и разработки вопроса это позволяет, автор убедительно показывает картину зарождения и оформления антагонистических классов, вскрывает различные, обусловленные местными особенностями исторического развития формы эксплуатации трудового населения, формы рабства, основную линию классовых противоречий и классовую борьбу, характер общественных движений. Глубоко изучен автором процесс распада рабовладельческих отношений, зарождения и становления феодальных отношений у народов Закавказья.

Автор удачно избегает опасности упрощения и схематизации проблем социально-экономической истории: они представлены во всей своей сложности и, вместе с тем, ясно и четко.

С особой похвалой следует отметить страницы, посвященные рассмотрению внешнеполитических вопросов, истории международных отношений. Перед читателем рельефно вырисовывается политическая ситуация в Передней Азии, определявшаяся в рассматриваемый период главным образом соотношением сил Рима и Парфии (в дальнейшем Сасанидской Персии). Сложные и подчас запутанные вопросы ориентации государств Закавказья на ту или другую из этих сил, борьбы партий на этой почве, влияния международных отношений на внутреннюю жизнь закавказских стран автор излагает уверенно и убедительно.

То же можно сказать и о ряде других проблем, например, о проблеме установления и роли христианства в указанных странах, в частности — в Армении. Автор вскрывает политическую подоплеку принятия христианства в качестве официальной религии: церковь была союзницей царя в борьбе против Сасанидов и армянской феодализировавшейся знати, проникнутой сепаратистскими тенденциями. Однако в дальнейшем церковь сама превратилась в крупнейшего феодала и нередко противопоставляла себя царю.

С сожалением приходится отметить, что в силу ограниченности объема всего тома и в том числе страниц, отведенных истории народов Закавказья, изложение часто носит слишком обобщенный характер, представляя либо сухие абстрактные формулировки, либо голый перечень плохо запоминающихся фактов. В качестве примеров можно привести изложение завоеваний Митридата Понтийского и Тиграна II (стр. 420), борьбу Армении против римской агрессии (стр. 422—423, 682 и 684).

В разделе о Западном Закавказье VI—IV вв. (стр. 154—156) ничего не сказано ни о культуре льна у колхов, ни о прославленных колхидских тканях. Лишь в самой общей форме, без приведения конкретных археологических данных констатируется

факт имущественного расслоения в Колхиде (стр. 155). Излагая вопрос о возникновении царской власти в Иберии, следовало бы охарактеризовать обстоятельства и обстановку воцарения Фарнабаза, построение Армазис-Цихе (стр. 414). Почти ничего не сказано в томе о событиях времени правления Фарасмана I, представлявшего одну из ярких страниц в истории Иберии. Нет хотя бы краткого упоминания о народном восстании, возглавляемом Аникетом. Трудно найти оправдание тому, что в разделах о религии иберов ни словом не упомянуто о культе Армаза, значении его, связи его с культом луны, о внешнем виде кумира, а ведь яркое описание этого культа дошло до нас в древнегрузинской литературе.

Отсутствие указанных моментов в тексте рассматриваемых здесь глав II тома особенно досадно еще и потому, что большая часть этих вопросов была предметом специальных исследований автора (см., например, его статьи в ВДИ, 1948, №№ 2 и 3 и 1949, № 3) и рассматривалась им в первоначальном тексте глав «Всемирной истории».

Отметим отдельные недостатки рецензируемых разделов. В освещении вопроса об этногенезе грузин (стр. 155) остается совершенно неясным, к какому времени автор относит продвижение мушков (мосхов-месхов) в долину среднего течения Куры, где они оставили свой след в названии города Мцхеты. Между тем, по данным археологии и грузинской литературной традиции можно установить и пути их продвижения, и время их преобладания в этой местности.

Ничего не сказано о том, что дают материалы раскопок Дабла-Гоми для воссоздания картины сельской общины в Рионской низменности, а между тем это очень важно для исторических обобщений и общей картины социального развития колхов. В связи с вопросом об этническом наименовании армян от названия племен страны Арме не сказано ни о самом названии армян «хаи», ни об отношении его к названию страны Хайса (стр. 157). Нечетко трактован вопрос о колхидских скептухах. Указание на применение этого термина не только к племенным вождям, но и к придворным сановникам (например, при дворе Ахеменидов), не исключает ведь того, что скептухи Ахеменидов, ставшие придворными сановниками, являлись предводителями племен, включенных в державу Ахеменидов.

В сообщении о завоевании Колхиды Митридатом Понтийским важно было бы показать, какое это имело значение для самой Колхиды, а не только для Митридата, так как завоевание это представляло первое реальное политическое объединение Колхиды в рамках единого организованного государства (стр. 414). Между тем существование «поверхностного политического единства» Колхиды в начале эллинистического периода (стр. 687) не подтверждено в тексте никаким материалом источников.

На стр. 691 следует отметить неточность, допущенную относительно стел (в тексте опечатка — «стен») с арамейскими надписями из раскопок Армази. Надпись на арамейском языке (не билингва), не полностью расшифрованная, начертана от имени царя Митридата, который был сыном Фарасмана I, а не II, современником Веспасиана. Повествует надпись о событиях второй половины I в., между тем как правление Фарасмана II относится ко времени Адриана и Антонина Пия (см. Г. В. Церетели, ВДИ, 1948, № 2, стр. 52—53). Упоминание богатого святилища Левкоtei в стране мосхов (на юге Иберии) было бы гораздо уместнее при описании социально-экономического строя Иберии эпохи Страбона, чем на стр. 771, где рассказывается об экономической базе христианского духовенства раннефеодальной Картли.

В целом, несмотря на указанные мелкие недочеты, следует отметить, что рецензируемые разделы, посвященные истории рабовладельческих государств Закавказья, по своему содержанию, по интересным научным обобщениям представляют ценный вклад в нашу обобщающую историческую литературу и дают правильную и научно обоснованную картину исторического развития древних народов Закавказья.

Менее удачными представляются разделы, посвященные Северному Причерноморью. История Северного Причерноморья опирается на обширный и хорошо разработанный археологический материал, к тому же имеется ряд ценных обобщающих трудов, монографий и множество статей советских ученых, дающих материал для достаточно четких обобщений и ярких иллюстраций исторических выводов. Между тем рассматри-

ваемые разделы, намечая в общем правильную линию исторического развития античных государств Северного Причерноморья, страдают недостаточной четкостью и полнотой в освещении ряда вопросов.

Так, например, мы ничего не узнаем о социально-экономическом строе меотских племен, входивших в состав Боспорского государства. В частности, остается совершенно неясной точка зрения автора на социально-экономический и политический строй скиндов; не упомянуто даже о том, что вопрос о существовании у них государства является дискуссионным. Говоря о пребывании Геродота в Северном Причерноморье, следовало бы ясно указать, где именно он побывал. Из текста раздела остается совсем неясным, как нужно представлять себе «в урезанном виде» автономию городов Боспора эпохи Спартокидов, и что значит «местные племенные традиции». Непонятно, в чем заключались общие черты, сближавшие Боспор с эллинистическими государствами.

Вряд ли правильно затушевывать дискуссионности вопроса о времени возникновения государственности у скифов. Было бы правильнее привести существующие различные точки зрения по этому вопросу, подобно тому, как это сделано в разделах, посвященных истории народов Закавказья. Остается также неясным, как нужно понимать взаимоотношение боспорских автономных городов, имевших полисное устройство, с центральной властью Спартокидов (стр. 408). Неясно, кто, по мнению автора, эксплуатировал труд земледельцев-пелатов: сам царь Боспора через своих экономов или вожди племен, которые затем сдавали царю часть урожая в виде дани. Между тем вопрос этот чрезвычайно важен для характеристики социально-экономической и политической структуры Боспора эпохи Спартокидов (стр. 409). К тому же единственное упоминание пелатов на Боспоре мы встречаем лишь в надписи середины II в. н. э. в применении к храмовым землям. Поэтому вряд ли правомерно применять этот термин к эпохе Спартокидов, хотя и можно предполагать, что зависимые земледельцы-пелаты генетически восходят к земледельцам, зависевшим от племенной знати. Непонятным в этой связи остается и представление автора о соотношении рабского труда и труда «пелатов» на Боспоре в эпоху Спартокидов и в первые века н. э., так как, с одной стороны, на стр. 409 говорится о том, что при Спартокидах «обширные земли обрабатывались трудом сидевших на них земледельцев-пелатов», а на стр. 694: в I—II вв. н. э. «...в земледелии труд рабов вытесняется трудом зависимого земледельческого населения пелатов».

Трудно согласиться с толкованием «отеческой политики», восстановленной Евмелом, как «древнего полисного устройства» (стр. 409). Гораздо правильнее понимать под «отеческой политией» тот порядок, который существовал при отце Евмела Перисаде I, но был нарушен возникшими после его смерти смутами. Вряд ли правильно связывать упадок боспорской торговли в конце II в. с изменениями политической обстановки в Греции и Малой Азии (стр. 410). Скорее следует искать объяснения этого явления в значительных изменениях в экономике самого Боспора.

Недоразумением, вероятно, следует объяснить упоминание зависимости Танаиса от Перисады I (344/43—310/09 гг. до н. э.), так как, судя по всем данным, Танаис возник лишь около середины III в. до н. э.

* * *

Значительное место в рецензируемом томе «Всемирной истории» уделено истории Греко-Бактрийского и Парфянского царств, Сасанидского Ирана (гл. XIII, раздел 5; гл. XXII, разд. 3—5; гл. XXV, разд. 2). В целом эти главы представляют значительный научный интерес, их отличает удачно подобранный материал, характеризующий своеобразный социально-экономический строй и политическую жизнь этих стран. Свежие выводы по ряду существенных исторических вопросов. Авторы справедливо подчеркивают неоднородность общественного строя различных областей, входивших в состав рассматриваемых государств. В разделе о Парфии вызывает, в частности, интерес оригинальное решение вопроса о происхождении городов: автор отмечает наличие в Парфянском царстве городов, схожих по своей структуре с античными полисами, но генетически восходящих к самоуправляющимся общинам Древнего Востока, и вводит в связи с этим термин «восточный полис»

(стр. 434). Менее четко изложен вопрос о внутренних факторах, приведших к гибели Парфянского царства. Читателю остается неясной связь экономических процессов, отмечаемых автором (перевод рабов на землю и закабаление общинников), с распадом Парфии (стр. 681). В весьма содержательном, в целом, разделе о Сасанидском Иране, к сожалению, не уделено внимания положению городов, что производит впечатление известной неполноты по сравнению с разделами о Парфии.

Подводя итог обзору содержания рецензируемого тома, необходимо отметить, что авторам и редакции удалось добиться значительной полноты в освещении исторических судеб многочисленных народов, населявших в древности Европу и Азию. В то же время для рецензируемого издания характерно стремление объективно показать вклад, внесенный каждым народом — большим или малым — во всемирно-исторический процесс, в сокровищницу мировой культуры. Это выгодно отличает «Всемирную историю» от зарубежных изданий подобного рода, в которых в той или иной форме умалется историческая роль народов Востока, а громадный племенной мир изображается как пассивный объект «западной цивилизации».

Как серьезный пробел в построении тома, нарушающий полноту его содержания, необходимо отметить отсутствие специальных разделов, посвященных истории народов Северо-Западной Африки. Нет даже отдельного очерка по истории Карфагена — о ней говорится лишь в связи с изложением истории Рима. Совсем мало внимания уделено истории берберийских племен, хотя они оказали большое влияние на ход событий в Средиземноморье, в частности на судьбы Римской империи.

Рецензируемая книга, несомненно, является значительным достижением в деле марксистской разработки основных теоретических проблем древней истории. Подводя в этом смысле итог исследованиям большого коллектива советских ученых, она ярко свидетельствует о превосходстве марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной. Вместо хаотического собрания фактов, субъективных и случайных оценок, характерных для обобщающих трудов буржуазных ученых, мы встречаем здесь многообразную, но стройную картину закономерно развивающейся исторической действительности. Ряд вопросов, имеющих важное методологическое значение, в большой мере по-новому разработан в данном томе на богатом конкретно-историческом материале. К их числу относятся, например, вопросы об античной форме собственности и полисе, о связи истории рабовладельческих государств и развития «варварских» народов, о своеобразии рабовладельческого строя в ряде стран Востока.

Необходимо вместе с тем отметить, что в некоторых главах редакции не удалось преодолеть схематизм и несколько упрощенный подход к сложным научным проблемам. В значительной мере это объясняется слишком уж небольшим количеством страниц, отведенным на отдельные разделы, но главная причина заключается в известной научной неравноценности различных частей тома.

II том «Всемирной истории», несомненно, с большим интересом будет прочитан широким кругом читателей, интересующихся историей человеческого общества. Вместе с тем, отражая определенные достижения советской науки о древности, он послужит дальнейшему развитию плодотворной исследовательской работы в этой области исторической науки.

*А. К. Бергер, А. И. Болтунова,
С. И. Ковалев, Н. Я. Мерперт*

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ И ИНДИИ ВО «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» АН СССР (тома I и II)

Выход в свет двух первых томов «Всемирной истории» — радостное и значительное событие. Написанные хорошим языком, снабженные удачно подобранными иллюстрациями, эти тома — замечательный подарок для всех, интересующихся историей и культурой народов древности.